

ДВА РОСТОВА

ХРОНИКИ ЭПОХИ
ЯРОССА ВОНДАЛА

ДЕНИС ВИКТОРОВИЧ
← СОРОКИН →

18+

Денис Сорокин

«два Ростова: хроники эпохи Яросла Вондала»

<https://litres.ru/74336522>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Два Ростова: хроники эпохи ЯРосса Вондала» — это история, где город рождается из крови, льда и страсти. Здесь казни — часть распорядка дня, предательство прячется в тени брёвен, а любовь — единственное, что не замерзает.

Ярослав бросает вызов жестокости отца, Мила не даёт ему стать таким же, Пётр и Маруся держатся друг за друга в ледяной воде, а кот Васька скользит между кострами, словно тень грядущей беды. Каждый гвоздь здесь оплачен чьей-то болью, каждая клятва скреплена кровью, а каждый поцелуй — это «я не дам тебе упасть».

Это история о том, как на краю гибели держится не меч, а рука, сжимающая твою руку. Для тех, кто любит мрачные, страстные, беспощадные истории, где цена каждого шага — жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Денис Сорокин

«два Ростова: хроники эпохи Яросса Вондала»

Глава 1

1

Глава 1. «Приказ и петля».

Мороз въедался в кости ещё до рассвета. Над стройкой висел тяжёлый пар дыхания, смешиваясь с дымом костров и запахом сырой глины. Брёвна лежали рядами, будто рёбра огромного зверя, которого пытались собрать заново. Лопаты и топоры звенели в унисон с хриплыми командами, и каждый удар отдавался в груди так, будто рушили не лес, а надежду на спокойный день.

ЯРосс Вондал стоял на краю площадки, прямой, как вбитый кол, в тяжёлой шубе, отороченной волчьим мехом. Его взгляд скользил по людям, как лезвие по коже — холодно и точно. Рядом, чуть в стороне, держался Ярослав: он не поднимал головы, но плечи его были напряжены, как натянутая тетива.

— Медленно, — коротко бросил ЯРосс, не глядя ни на кого конкретно, но все замерли. Даже ветер, казалось, при-

тих, чтобы услышать приговор.

Боярин, приставленный следить за темпом, тут же ткнул пальцем в сторону одного из плотников:

— Вот он. Всё время возится, будто каждое бревно ему как невеста.

Плотник, крепкий мужчина с седой бородой и руками, покрытыми старыми шрамами, поднял глаза. В них не было страха — только усталость и тихая обида.

— Не медлю, — спокойно сказал он, голос звучал твёрдо, несмотря на дрожь от холода. — Это стык надо подогнать. Если сейчас забить, к весне всё рассыплется. Город не на гвоздях держится, а на честной работе.

Кто-то из рабочих тихо выдохнул: «Вот дурак...» — но тут же замолчал, будто сам испугался своих слов.

ЯРосс сделал шаг вперёд. Его сапоги оставляли глубокие следы в рыхлом снегу, смешанном с опилками и грязью.

— Город будет стоять на том, что я скажу. А я говорю: медлительность — это предательство.

Ярослав шагнул вперёд, но не к отцу, а чуть вбок, перекрывая прямой путь к плотнику.

— Отец, — голос его звучал ровно, но в нём звенела сталь. — Если ты сейчас повесишь лучшего плотника, стройка не ускорится. Она сломается. Мы не гвозди забиваем, мы стены ставим. На спешке крепость не держится.

ЯРосс медленно повернул голову. В его глазах не было гнева — была ледяная уверенность человека, который давно

решил, что цена ошибки должна быть видна всем.

— А на чём держится, сын? На слезах? На жалости? Сегодня он «подгоняет стык», завтра другой «не успевает», послезавтра третий «просто устал». И вот мы уже не строим, а хороним.

Мила стояла чуть позади, у штабеля досок. Она не кричала, не рвалась вперёд, но кулаки её были сжаты так, что побелели костяшки. Когда петля легла на шею плотника, она не смогла сдержать слова:

— Если мы начнём строить на страхе, мы построим могилу. И первыми в неё ляжем мы сами.

Боярин хмыкнул, будто услышал шутку, но даже он на секунду замер, услышав эту простую правду.

Приказ прозвучал коротко и сухо. Кто-то потянул верёвку. Плотник не сопротивлялся. Он лишь тихо, почти неслышно, прошептал что-то, словно прощался с лесом, с брёвнами, с этим местом, которое так и не успел сделать домом.

И когда всё было кончено, когда тишина стала громче любого крика, Ярослав шагнул к телу. Никто не посмел его остановить. Он наклонился, и в этот момент из-под воротника казнённого выпал маленький медный жетон на тонкой цепочке. На нём было выбито клеймо артели и имя мастера — Тихон.

Ярослав подобрал жетон, сжал его в кулаке, и металл обжёг холодом кожу. Он не прятал его демонстративно, не де-

лал из этого жеста бунта. Он просто сунул жетон в карман, туда, где рядом с углём и гвоздями теперь лежало чужое обещание делать честно.

Яросс смотрел на сына. В его взгляде не было одобрения, но и ярости не было. Была тяжесть человека, который знает, что строит не город, а испытание — и не уверен, кто из них двоих его не выдержит.

— Пусть это будет уроком, — сказал он, поворачиваясь, чтобы уйти. — Для всех.

Когда он скрылся за углом недостроенной стены, Мила подошла к Ярославу. Её пальцы легли на его плечо, лёгкие, но твёрдые.

— Ты не сможешь спасти их всех, — тихо сказала она.

Ярослав не ответил сразу. Он смотрел на свои руки, на грязь под ногтями, на следы снега, которые уже начали таять от тепла тела.

— Я спасу тех, кого смогу. И буду помнить тех, кого не успел.

Ветер снова поднялся, шевеля солому на крыше будущего караульного помещения. Где-то далеко, на краю стройки, тихо мяукнул кот Васька. Он вышел из тени, подошёл к месту, где только что стоял плотник, и сел, будто охраняя пустоту.

Глава 2

Утро пахло сырой землёй, дымом и железом. Над стройкой висел низкий серый туман, цеплялся за брёвна, стекал по спинам рабочих, пробирался под кожу. Земля здесь не была землёй — она была трясинной, живой и злой: стоило чуть ошибиться с местом, и нога уходила по колено, а лопата тонула без звука.

Пётр держал тяжёлый кол, шершавый, с тёмными потеками смолы. Его пальцы вцепились в дерево так, будто оно могло вырваться и убежать. Рядом, чуть сбоку, стояла Маруся — её плечи были напряжены, как натянутые верёвки. Она смотрела не на кол, а на то место, где земля казалась особенно рыхлой.

— Не туда, — тихо сказала она, почти шёпотом, чтобы не слышали надсмотрщики. — Видишь, там снег не держится. Он проваливается.

Пётр кивнул, не поднимая глаз. Он знал: если воткнуть кол в это место, он уйдёт не в землю, а в пустоту, и следом за ним уйдёт чья-то надежда.

Боярин, стоявший чуть поодаль, щёлкнул пальцами:
— Чего тянете? Вбивайте!

Рабочие переглянулись. В этих взглядах не было бунта — только усталое понимание: если сделать не так, будет хуже. Но если сделать так, будет неправильно.

Пётр шагнул на полшага в сторону, туда, где почва казалась плотнее. Маруся сделала то же самое, будто они двигались как одно целое, без слов, по дыханию друг друга.

Кол встал. Пётр поднял тяжёлый молот. Удар. Дерево вздрогнуло, но не ушло в пустоту. Ещё удар. Ещё. И вдруг — хруст, тихий, предательский, и кол медленно, будто нехотя, начал уходить вниз, в трясину, всё глубже, глубже, пока не исчез почти наполовину.

Кто-то тихо выругался. Кто-то перекрестился.

И тут раздался вой. Не человеческий, не звериный, а таковой, от которого волосы встают дыбом, — вой Васьки. Он выскочил из-под штабеля досок, метнулся к краю ямы, прыгнул на самый край, где земля ещё держалась, и замер, вытянувшись струной. Его хвост хлестал по воздуху, уши были прижаты, глаза — чёрные, бездонные.

Рабочие замерли. Даже боярин на секунду забыл, что он здесь главный.

Васька не шевелился. Он смотрел в одну точку — туда, где кол ушёл в трясину. И в этом взгляде было что-то большее, чем испуг. В нём было указание.

Маруся сжала кулаки, потом разжала их и тихо, едва слышно, прошептала:

— Держи меня за руку. Если я закричу, утащи меня.

Пётр не стал спрашивать «куда» или «зачем». Он просто взял её руку. Его ладонь была грубой, горячеей, несмотря на холод. И эта теплота сейчас была важнее любого костра.

— Переставить! — крикнул Пётр, голос его прозвучал неожиданно громко, будто прорвался сквозь туман. — Кол надо ставить левее. Там, где кот стоит. Там земля держит.

Боярин прищурился:

— Ты что, советуешься с котом?

— Я советуюсь с тем, что видит лучше нас, — спокойно ответил Пётр. — Он не бежит туда, где опасно. Он показывает, где можно стоять.

Вокруг снова переглянулись. Но в этих взглядах уже не было страха перед ошибкой — в них появилась надежда, что ошибку ещё можно не совершить.

Пётр осторожно подошёл к Ваське, не делая резких движений. Кот не убежал. Он лишь моргнул, будто говоря: «Я здесь. Смотри».

Пётр наклонился, провёл рукой по земле. Под снегом, под слоем грязи, чувствовался твёрдый пласт — камень или старое дерево, что-то, что держало эту землю.

— Здесь, — сказал он, указывая на точку чуть левее. — Здесь кол встанет как надо.

Боярин хотел что-то сказать, но в этот момент трясина тихо чавкнула, и туда, где стоял кол, ушла ещё одна лопата, забытая кем-то на краю. Земля проглотила её беззвучно.

Тишина стала гуще.

— Делайте, как он сказал, — наконец бросил боярин, и в его голосе не было уверенности, только усталость от борьбы с этой землёй.

Рабочие взялись за дело. Новый кол встал ровно, крепко, будто сам хотел держаться. Удары молота теперь звучали иначе — не как отчаяние, а как победа.

Маруся всё ещё держала руку Петра. Её пальцы дрожали, но она не отпускала.

— Спасибо, — прошептала она.

Пётр лишь кивнул. Ему не нужны были слова. Он знал: пока она держит его руку, он не сделает шага в пустоту.

А Васька, будто закончив свою работу, спрыгнул с края ямы, прошёл мимо людей, не глядя ни на кого, и сел чуть поодаль. Он больше не выл. Он просто сидел и смотрел на стройку, как будто знал, что впереди будет ещё много ям, в которые нельзя ступать.

Глава 3

1

Глава 3. «Брошка и кровь».

День не становился светлее — он только густел, наливался холодом и усталостью. Стройка дышала тяжело, как больной зверь: где-то трещало дерево, где-то глухо стучали молоты, и каждый звук отдавался в груди не ритмом работы, а напоминанием о том, сколько ещё надо сделать, прежде чем можно будет просто согреться.

Мила сидела на краю поваленного бревна, прижимая к себе узелок с лоскутами и нитками. Вокруг сновали люди, толкали брёвна, кричали, спорили, а она будто создала вокруг себя маленький тихий круг, где можно было не думать про сроки, про страх, про ЯРосса. В её пальцах ловко бегала игла, а на куске тёмно-синего сукна постепенно проступала ласточка — крылья чуть вздёрнуты, будто она вот-вот сорвётся в полёт.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Ярослав, присаживаясь рядом. Он стряхнул с плеча смолистую щепку, провёл ладонью по лицу, стирая копоть и пот.

Мила не подняла глаз, но улыбнулась краем губ:

— Потому что если мы будем помнить только про гвозди и сроки, мы забудем, ради чего всё это. Пусть у тебя будет что-то, что помнит про небо.

Ярослав посмотрел на крошечную птицу, на неровные стежки, которые делали её не идеальной, а настоящей.

— Она будет со мной, — тихо сказал он. — Даже когда я не смогу поднять голову и посмотреть наверх.

Он помог ей закрепить брошку на воротнике своей куртки — просто, крепко, так, чтобы не потерялась среди толчеи стройки. Ласточка села на ткань, как знак, что где-то есть место, где не надо спешить.

Но тишина длилась недолго.

Боярин подошёл так, будто не шёл, а надвигался — тяжёлой тенью, от которой становилось холоднее даже на ветру. Он скользнул взглядом по стройке, по людям, по брёвнам, а потом его глаза зацепились за брошку. И в этом взгляде не было любопытства — была злость от того, что кто-то посмел добавить цвет в его серый мир.

— Украшения — для балов, — бросил он, не повышая голоса, но так, что слышали все, кто стоял поблизости. — А здесь не бал. Здесь крепость.

И прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он резким, почти небрежным движением сорвал брошку с ворота Ярослава.

Ткань тихо треснула. Ласточка скользнула по металлу пряжки и упала в грязь, в серую кашу из снега, опилок и земли.

В воздухе повисла тишина — та самая, которая бывает перед бурей, когда все понимают: сейчас случится что-то непо-

правимое.

Ярослав не закричал. Не бросился вперёд с кулаками. Он просто выпрямился, и в этом движении не было угрозы — была твёрдость, от которой боярина вдруг стало не по себе. А потом Ярослав резко выбросил руку и ударил боярина по запястью — не чтобы сломать, а чтобы выбить из него эту самоуверенность, эту привычку ломать всё, что ему не нравится.

Рука боярина дёрнулась. Брошка, которую он всё ещё сжимал, выскользнула и снова упала в грязь.

Боярин потёр запястье, будто не от боли, а от удивления, что кто-то посмел ему ответить. На его лице медленно проступила усмешка — холодная, ядовитая.

— Ты только что подписал себе приговор, — тихо, почти ласково произнёс он. — И знаешь, что хуже всего? Ты даже не понимаешь, какой именно.

Вокруг замерли. Рабочие, которые только что стучали топорами, теперь стояли неподвижно, будто боялись одним вздохом поджечь эту искру. Кто-то отступил на шаг, кто-то наоборот подался вперёд, чтобы видеть.

А Мила не смотрела ни на боярина, ни на Ярослава. Она просто шагнула вперёд, опустилась на колени и быстро, пока никто не успел её остановить, подняла брошку из грязи. Пальцы её дрогнули, когда она стёрла с ласточки налипшую землю. Потом она спрятала её в рукав, прижав к теплу своего тела, туда, где холод стройки не мог её достать.

Ярослав наконец посмотрел на Милу. В его глазах читалось: «Прости, я не смог её защитить». А она едва заметно качнула головой: «Ты и не должен был. Я сама её берегу».

Боярин хмыкнул, будто поставил точку, и пошёл прочь, оставляя за собой след в рыхлом снегу. Но прежде чем скрыться за штабелем брёвен, он обернулся и бросил через плечо:

— Пусть запомнят этот день. Сегодня здесь перестали слушать приказы.

Когда он ушёл, тишина не стала легче. Она стала другой — в ней теперь звенела готовность к тому, что будет дальше.

Пётр, стоявший неподалёку, подошёл к Ярославу и тихо, чтобы слышали только свои, сказал:

— Он побежит к ЯРоссу. И не просто расскажет — он приукрасит.

Ярослав кивнул. Он не пытался оправдываться.

— Я не жалею, — сказал он. — Нельзя позволять рвать то, что сделано с добром. Даже если это просто маленькая ласточка.

Маруся, стоявшая рядом с Петром, протянула Миле чистую тряпицу:

— Протри её. Пусть она снова станет чистой.

Мила развернула ткань, аккуратно промокнула ласточку. Стежки потемнели от грязи, но не разошлись. Птица всё ещё хотела лететь.

Васька, появившийся из ниоткуда, сел рядом, посмотрел

на брошку, потом на людей, будто оценивая, стоит ли вообще связываться с этой суетой, и тихо фыркнул — будто сказал: «Держите это крепче. Здесь всё хочет упасть».

Пётр положил руку на плечо Ярослава:

— Держи голову прямо. Если будет буря — мы встанем рядом.

И Ярослав понял: приговор, о котором говорил боярин, не обязательно будет означать конец. Иногда приговор — это просто знак, что ты выбрал сторону, с которой не отступают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.